

ЗАШИСКИ

**ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
АКАДЕМИИ НАУК СССР**

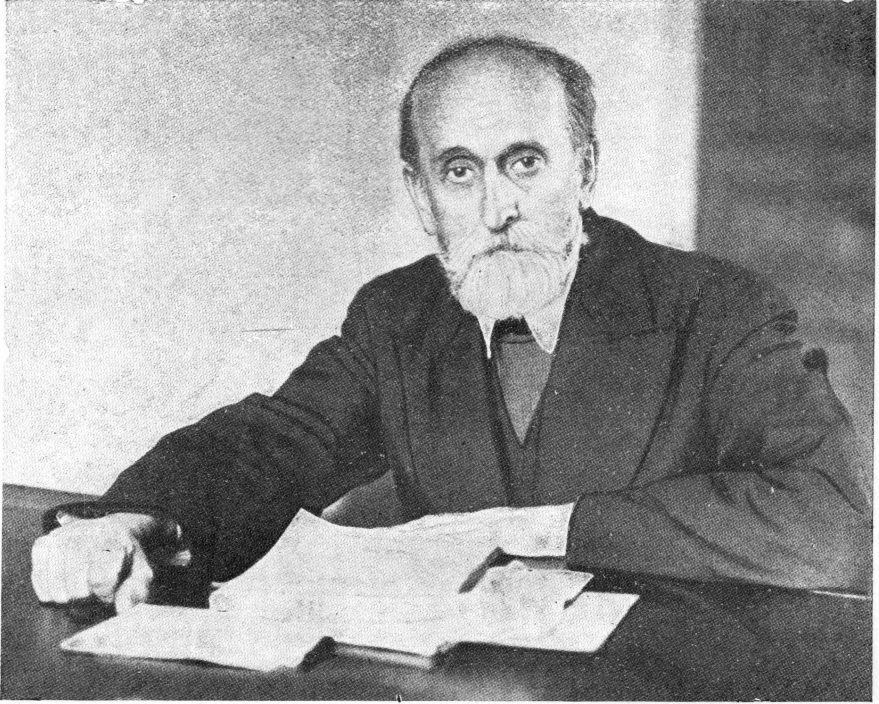
IV

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА

1955

ЛЕНИНГРАД

Сенат. Кузнецов

Академик Ф. И. ЩЕРБАТСКОЙ

Академик С. Ф. Ольденбург как индианист

Прошел всего год с тех пор как с этой же кафедры мне пришлось подводить итог результатам научной деятельности академика С. Ф. Ольденбурга в области его прямой специальности, изучения прошлых судеб Индии, ее языка и литературы. Оценка тогда производилась в торжественной обстановке праздновавшегося юбилея и не имела характера окончательной. Приходилось принять в расчет многие работы, начатые, неоконченные и полузаконченные, близкого окончания которых мы могли ожидать. С. Ф. вообще принадлежал к числу людей, от которых ждут долгой жизни. Замечательно крепкий организм его при крайне умеренном, почти аскетическом образе жизни никак не давал повода думать, что жизнь эта оборвется столь скоро. Сам С. Ф. считал тогда, что он как бы прожил только половину своей жизни и что должна начаться вторая половина, когда он, отделившись от забот и хлопот администрации, отдастся всецело деятельности научной и осуществит в этой области все свои очень многочисленные планы. За все те долгие годы, что наша деятельность в Академии протекала совместно, я не помню ни одного года, который С. Ф. не считал бы последним годом своей административной деятельности. Ее С. Ф. всегда считал обузой. Сердце его лежало к деятельности чисто научной.

Нам остается сегодня пересмотреть в общих чертах результаты чисто научной деятельности, какими они остались после покойного. Поминки эти не будут веселыми, так как на каждом шагу нам придется повторять, что С. Ф. не дал науке того, чего она была вправе от него ожидать и даже требовать. Появившиеся после его смерти некрологи и отзывы (за границей) помогут нам установить, в чем все-таки заключаются чисто научные его заслуги, чем он известен в ученом мире за пределами нашей страны и в чем его значение с более широкой точки зрения всемирной науки. Все отмечают одну крупнейшую его заслугу, за которую имя его высоко ценится и в Европе, и в Америке, и во всех почти странах Азии, на Востоке— Сред-

нем и Дальнем, в Индии, Китае и Японии. Это издание серии *Bibliotheca Buddhica*, осуществление коей всецело было обязано его инициативе и заботе.

Нам не хотелось бы в сегодняшний день, который Академия постановила посвятить памяти одного из самых выдающихся и глубоко уважаемых своих членов, вступить на путь шаблонного панегирика и восхвалять все то, что им было сделано. Мы убеждены, что память С. Ф. в этом вовсе не нуждается. Напротив, даже ошибки и неудачи такого человека всегда поучительны, и должны быть отмечены историками в назидание как современникам, так и потомству.

В прошлогодней своей речи мне пришлось уже отметить, под какими необыкновенно счастливыми созвездиями проходили ученические годы С. Ф., а также и начало его научной деятельности. Происходя из семьи высококультурной и очень зажиточной, С. Ф., тем не менее, с ранних лет был приучен к тяжелому труду и скромной жизненной обстановке. Все свободные средства родителями были обращены на обучение детей, на дарование им наилучшего, по тому времени, образования. Обучение языкам и владение в совершенстве, по крайней мере, тремя главными языками западной цивилизации — это условие *sine qua non* для всякого гуманитария — было достигнуто в семье Ольденбургов в наивысшей степени. Это облегчило молодому ученому его задачу, когда он был командирован за границу для приготовления к профессорской деятельности. Он мог вступить в общение с корифеями европейской науки, как равноправный, и воспринять от них непосредственно все то, что западная наука могла тогда дать. А дать она могла весьма много и именно в этот исторический момент.

Научная индология была только что создана тремя гениальными ее основоположниками — одним французом, одним англичанином и одним немцем. Ее развитие пошло параллельно в этих трех странах и подвигалось весьма быстро. Достаточно сказать, что за одно только поколение, в одной только Германии число университетских профессур — ординарных и экстраординарных, где происходит научное изучение и преподавание индологии, поднялось с одной до полусотни с лишком.

Россия также приняла участие в возросшем интересе к изучению Индии. Была основана кафедра индологии и первым русским индологом был проф. И. П. Минаев, учитель С. Ф.

В лице И. П. Минаева русская индология сразу заняла весьма почетное место в общем хоре европейских ученых, трудившихся на этой ниве. И. П. Минаев был знатоком и современной Индии, он три раза посещал

эту страну, собрал в ней богатейшую коллекцию ценнейших рукописей, многие из них издал и перевел, завершил свои труды в этой области большим сочинением по истории буддизма, переведенным и на иностранные языки. Кроме того, он был одним из лучших знатоков исторической географии и наука ему обязана классическим трудом по географии стран, отделяющих Россию от Индии. Это был ученый, широко известный за пределами нашей страны, ученый во всемирном масштабе. Наследником и продолжателем такого ученого и суждено было стать С. Ф.

Когда С. Ф. предстала задача выступить самостоятельным научным работником, индология уже настолько разрослась, что сделать выбор темы для первого большого труда было делом нелегким. Молодой и неопытный ученый легко мог остановить свой выбор на такой задаче, которая по самому существу своему разрешению в данный момент не подлежала. Так и случилось. С. Ф. остановил свой выбор на исследовании индийского фольклора. Отчасти это произошло под влиянием проф. А. Н. Веселовского, влиянию которого более или менее подпадали все наши литературоведы, в какой бы области они ни работали. Но область индийского фольклора при ближайшем знакомстве оказалась столь обширной, океан индийской сказочной литературы оказался столь глубоким, что в нем можно было только потонуть. В прошлогодней моей речи я отметил все крупные достоинства отдельных работ и замсток С. Ф. по индийскому фольклору, но крупной исследовательской работы, какую С. Ф. предполагал написать, ему сделать не удалось. Ему пришлось ограничиться пересказом содержания двух индийских сборников сказок. Это всего менее вина С. Ф., это вина самой темы, которая не могла быть разрешена без целого ряда долгих подготовительных работ. В таком же положении оказались и проф. Якоби и сам проф. И. П. Минаев, и им пока пришлось ограничиться изданием материала для будущих исследователей, путем собрания и пересказа содержания ряда сказочных сюжетов.

В это время, как раз когда С. Ф. стал убеждаться в безнадежности работ в области индийского фольклора для широких обобщений в духе работ А. Н. Веселовского, случилось событие, которое навсегда определило дальнейшее направление его трудов как индолога. Экспедиция, снаряженная Восточно-Сибирским отделом Русского географического общества, под начальством Д. А. Клеменца и с участием его жены, посетила Китайский Туркестан и открыла там совершенно до того неизвестную богатейшую область разных остатков когда-то процветавшей там чисто индийской культуры. Раз такого рода богатейший район находился почти непосредственно

вблизи русской границы, раз он был открыт русской экспедицией, раз у нас уже имелась тогда научная индология, то кому же, как не русским индологам должна была выпасть на долю обязанность и честь ее исследования. Тогдашнее руководство Академии сочло, однако, нужным поставить предприятие это на международную почву. На Римском международном конгрессе в 1900 г. был сделан академиком Радловым доклад, вызвавший колоссальный интерес и немедленное основание во всех странах особых комитетов по археологическому исследованию Китайского Туркестана. Не обошлось дело и без соревнования и соперничества между разными нациями. В результате, когда экспедиция, возглавляемая С. Ф., двинулась в путь, страна уже была посещена целым рядом экспедиций, которые буквально опустошили край в археологическом отношении. Русской экспедиции, прибывшей на место после других, оставалось только констатировать такое положение и вернуться домой почти с пустыми руками. Между тем, в то же время в Берлине открылся великолепный, богатейший музей находок из Китайского Туркестана, музей, который составляет одно из украшений Берлина и усердно посещается как специалистами, так и иностранными туристами. Все эти богатства легко могли бы принадлежать нам, если бы не целый ряд неблагоприятных обстоятельств, этому помешавших. С. Ф. впоследствии горько жаловался на методы германских археологов, которые в интересах своих музеев не останавливались ни перед чем и готовы были подвергнуть опасности памятник в целом, лишь бы сохранить из него что-либо для своего музея. И в самом деле, немецкие археологи отчасти заслуживают упрека. Их действия не лишены были политики и были даже не совсем корректны. Свои приобретения они не открыли С. Ф. и оставляли его в убеждении, что часть территории, забронированная за русской экспедицией, не тронута ими. Только когда С. Ф. прибыл на место, ему пришлось убедиться в том, что это было совсем не так. То, за чем он приехал в Туркестан, уже находилось в Берлине, и целый ряд ученых уже работал там, жадно набросившись на новый материал. Сам С. Ф. назвал эту свою экспедицию разведочной. Ей пришлось быть разведочной, и разведочной с отрицательным результатом, так как оказалось, что разведанная местность с археологической точки зрения опустошена и больше туда для целей археологии ездить не имеет смысла. И действительно, экспедиции в Туркестан прекратились, между тем как раньше следовали одна за другою почти каждый год.

Наученный горьким опытом, С. Ф. в своей второй экспедиции 1914 г. решил заранее во чтобы то ни стало обезопасить себя от случайностей

которыми всегда сопровождаются археологические поиски, особенно в местностях отдаленных и недостаточно хорошо известных; он наметил, как цель своей работы, один определенный памятник, местонахождение и выдающееся значение коего было заранее хорошо известно, так как он неоднократно посещался европейскими исследователями. Это так наз. «1000 пещер Дун Хуана». Тут на сравнительно небольшом пространстве находился хорошо сохранившийся, можно сказать, естественный музей восточного искусства, содержащий памятники не только одной какой-либо эпохи, но почти всех эпох, в течение коих искусство на Дальнем Востоке развивалось. Верный своему принципу не трогать на месте памятников, если им не угрожает непосредственное разрушение, С. Ф. ограничился их фотографированием. С этой целью в состав экспедиции входили два превосходных фотографа, и материалы, которые она вывезла, состоят поэтому почти исключительно из фотографических снимков. Этот материал не отличается новизной. Как я уже упомянул, место было еще раньше посещено целым рядом экспедиций и среди них такими корифеями восточной археологии, как англичанин sir Aurel Stein и французский академик P. Pelliot. Последний даже обнародовал посвященное этому памятнику большое пятитомное издание «Les grottes de Touen-Houang», Mission Pelliot (Paris, Geuthner, 1920). Тем не менее, С. Ф. льстил себя надеждою, что его труд не будет повторением прежних работ, так как, во-первых, фотографические снимки, сделанные его сотрудниками, гораздо более совершенны, чем снимки Pelliot, а кроме того, богатство материалов столь велико, что его хватит на много работ и после первой, основополагающей работы Pelliot. Со времени возвращения С. Ф. из второй экспедиции прошло целых 18 лет. Из результатов ее ничего не опубликовано. Несмотря на давление, которое с разных сторон на него оказывалось, несмотря на то, что средства на печатание предлагались как у нас в Союзе, так и за границей, С. Ф. все откладывал начало печатания, ссылаясь на административную деятельность, которая всецело его поглощала. Естественно возникает вопрос, почему С. Ф., раз его административная деятельность не позволяла ему самому приступить к обнародованию своих результатов, не обратился к помощи своих учеников, друзей и сотрудников, которые рады были бы помочь ему. Но тут выступает наружу черта, от которой свободны очень немногие ученые, и от которой С. Ф. вовсе не был свободен. Это — необыкновенная ревность к результатам своей работы. Он желал и надеялся все сделать сам. Даже незадолго до смерти, он относился к этому своему достоянию и к своим будущим работам крайне ревниво, никого к ним не подпуская. В настоящее

время материалы второй экспедиции находятся в руках молодого ученого, сотрудника нашего Эрмитажа А. С. Стрелкова. Им просмотрены как записи С. Ф., которые он делал на месте, так и собрание его фотографических снимков. То и другое, по его мнению, находится в состоянии, допускающем немедленную передачу в типографию для набора и репродукции. Таким образом есть надежда, что мы вскоре увидим напечатанным то, что несомненно является главным большим трудом С. Ф. по археологии. Таковым он и сам его считал.

Но независимо от своих личных исследований, С. Ф. явился также и большим организатором крупных коллективных работ, результат коих изменил все наши представления о культурном значении буддизма и составил эпоху в его изучении.

Еще во время своего заграничного пребывания С. Ф. близко сошелся с проф. Рис-Дэвидсом, который в Лондоне учредил большое международное предприятие по систематизации и изданию литературы южного буддизма. Под влиянием общения с проф. Рис-Дэвидсом, и отчасти по его побуждению, у С. Ф. сложился план сделать то же самое для северного буддизма.

Такое предприятие по своему заданию должно было быть еще более обширным и более сложным, чем предприятие проф. Рис-Дэвидса, ввиду того, что северный буддизм, который вышел из Индии на 1000 лет позднее южного, нес с собою все достижения индийской образованности за 10 столетий, в числе коих были три столетия так наз. золотого века индийской образованности, когда индийская наука, литература и техника достигли небывалого до того в истории Востока развития. План С. Ф. встретил оппозицию среди старшего поколения академиков, но не потому, чтобы они не сочувствовали его цели, а потому, что при крошечных размерах тогдашних кредитов, план этот казался неосуществимым. Тем не менее, С. Ф., опираясь на обещанную ему поддержку русских и иностранных ученых, пользуясь всеми своими связями в ученом мире, внес в Академию Наук предложение о большом международном предприятии — издании серии «Собрания оригинальных и переводных буддийских текстов» под общим заглавием «*Bibliotheca Buddhica*».

Академия сочувственно приняла это предложение, и издание, начатое в 1897 г. под редакцией С. Ф., по настоящее время состоит из 26 томов, в которых объединено около сотни отдельных выпусков. Весь этот громадный труд, который доставил нашей Академии заслуженную славу в странах азиатских не менее, чем в Европе, прошел при ближайшем участии С. Ф.,

ни один лист не вышел без его внимательной и даже иногда придирчивой корректуры.

Оглядываясь на весь пройденный путь, приходится сказать, с одной стороны, что сделано очень много, с другой же стороны, принимая во внимание грандиозность задачи, нужно сказать, что сделано не все, что работа требует продолжения. Теперь уже, конечно, никто не скажет, что буддийская литература представляется нам в состоянии полной неопределенности. Мы научились отличать литературу религиозную от научной, труды по астрономии, математике, медицине, философии и логике, труды по живописи, архитектуре и технике; а также отличать литературу повествовательную, народную от высокой искусственной поэзии; мы научились понимать интереснейшие трактаты о сущности и форме поэтического творчества.

Мы научились также различать две основные фазы буддизма — начальную, когда он не был религией, а скорее философской системой реалистического плюрализма, и позднейшую, когда на фоне философского монизма он превратился в пышную, католическую религию. Мы научились отличать буддизм собственный от разных чуждых ему по духу теорий, мистических и даже изуверных, которые с течением времени к нему присосеживались и его обрастали. Оглядываясь на все эти достижения, можно, действительно, сказать, что, конечно, сделано немало. Тем не менее, *Bibliotheca Buddhica* только приподняла завесу над массой еще неизвестной литературы. Когда я в 1923 г. встретился в Лондоне с проф. Рис-Дэвидсом, он в разговоре со мной вполне признал все достижения этого издания, но прибавил, что для того, чтобы вполне справиться с задачей и сделать для северного буддизма то, что сравнительно легко было им сделано для южного буддизма в Лондоне, следовало бы усилия удесятить, учредить кафедры санскритского языка во всех главных городах Союза и основать сеть исследовательских институтов, и не только на нашей территории, но также и за ее рубежом — в Монголии и Тибете.

Страны Запада основали и содержат такого рода институты в центрах древней культуры — в Риме, Константинополе, Афинах и Египте.

Франция только что основала подобное учреждение в Японии. Германия, вдобавок к существующим на ее территории 22 институтам индологии, содержит институты в Риме и Афинах.

Нашей прямой обязанностью является основание археологических институтов в так наз. «Сериндии», т. е. в Тибете, Монголии и Китае.

Академия Наук постановила сегодняшнее заседание общего своего собрания посвятить памяти С. Ф. Ольденбурга. Я позволю себе при этом

сказать, что чествовать память выдающихся своих членов Академия должна не на словах только, а на деле, и что не может быть лучшего чествования памяти С. Ф. на деле, как возобновление того издания, в которое он вложил всю свою душу и которое доставило заслуженную славу как ему лично, так и всей нашей Академии.
